

ЕВГЕНИЙ НОРИН

ПОД ЗНАМЕНАМИ ДЕМОКРАТИИ

ВОЙНЫ И КОНФЛИКТЫ
НА РАЗВАЛИНАХ СССР

 ПИТЕР®

Новая политика (Питер)

Евгений Норин

**Под знаменами демократии.
Войны и конфликты
на развалинах СССР**

«Питер»

2018

УДК 63.3(2)74
ББК 94(47)

Норин Е.

Под знаменами демократии. Войны и конфликты на развалинах СССР / Е. Норин — «Питер», 2018 — (Новая политика (Питер))

ISBN 978-5-4461-0561-8

После бесславного распада СССР почти в каждой из его бывших республик новое руководство столкнулось с тем фактом, что на их территории живут какие-то национальные и/или религиозные меньшинства. И практически везде экзамен на способность к компромиссу с собственными меньшинствами был трагически провален. Результатом этого стали многочисленные вооруженные конфликты. Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия — неполный список регионов, где пролилась кровь. Почему так случилось, что огромная страна в одночасье раскололась на разрозненные государства, в которых под знаменами демократии люди пошли убивать своих недавних братьев? Об этом и о том, как развивались события в горячих точках, а также о том, что происходило в самой России после распада СССР, рассказывает известный военный историк и публицист Евгений Норин.

УДК 63.3(2)74
ББК 94(47)

ISBN 978-5-4461-0561-8

© Норин Е., 2018
© Питер, 2018

Содержание

Когда падают царства. Советский Союз на пути к краху	5
Приквел к войнам 90-х. События в Прибалтике	9
Глава 1	13
Сквозные персонажи. Рижский ОМОН	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Норин

Под знамёнами демократии. Войны и конфликты на развалинах СССР

Когда падают царства. Советский Союз на пути к краху

Прохладным мартовским днем 1985 года на Красной площади у Кремлевской стены проходила похоронная церемония. Под гром орудий в землю опустили Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Советского Союза Константина Черненко. Смерть семидесятилетнего генсека ознаменовала конец периода, который неформально называли «эпохой пышных похорон», а то и вовсе непочтительно – «временем гонки на катафалках». К тому моменту подавляющему большинству наблюдателей уже было очевидно, что Советский Союз погрузился в глубокую стагнацию. Однако никто не мог и предположить, что следующий генсек окажется последним. Всего через несколько лет на периферии Советского Союза начались волнения, быстро переросшие в вооруженные конфликты. Семь лет спустя СССР прекратил свое существование.

В действительности Советский Союз 80-х годов уже находился в глубоком кризисе, и пути выхода из него были неясны. Экономические трудности, наметившаяся зависимость от экспорта природных ресурсов, негибкая и некомпетентная бюрократия – все это делало положение государства неустойчивым.

Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (с 1990 года – президент СССР) Михаил Горбачев активно пытался реформировать Советский Союз. Программа перестройки предполагала, с одной стороны, экономические реформы, допускающие в ограниченных масштабах частное предпринимательство, с другой – демократизацию общественной жизни: значительно большую, чем прежде, свободу прессы, смягчение цензуры. Программа Горбачева выглядела разумной и человечной, однако правитель СССР быстро понял, что угодил в ловушку. Кризис был слишком глубоким, чтобы справиться с ним столь мягкими мерами, для консерваторов же любой отход от прежних догм был уже святотатством, а с точки зрения самых решительных сторонников реформ, перестройка оказалась недостаточно радикальной. К тому же в течение 70-х годов СССР успел построить экспортноориентированную экономику, а вторая половина 80-х стала временем очень скверной конъюнктуры на внешних рынках. Цены на нефть упали, и экономику Советского Союза начало серьезно лихорадить. За 1987–1989 годы стало ясно, что реформы заходят в тупик.

На этом фоне в Советском Союзе начал разворачиваться совершенно новый конфликт.

В рамках стратегии национальной политики в СССР много внимания уделялось воспитанию национальных кадров на периферии. Советская администрация активно вкладывалась в культурное развитие национальных меньшинств и всячески приветствовала создание действительно интернациональной партийной бюрократии и интеллигенции. Однако именно новые элиты и оказались самым революционным классом в стране. Объективно большинство союзных республик выигрывало от интеграции в рамках СССР. Если отбросить старую и сомнительную риторику о России, грабившей поработенные колонии, то основным донором в рамках СССР являлась именно Российская Федерация. Однако, с точки зрения региональных бюрократических групп, союзное руководство из Москвы только мешало разнообразными требованиями и контролем. Перспектива получить пусть небольшие и бедные, но независимые от центра уделы была заманчивой, а выгоды от подчинения Москве на фоне общих затруднений казались неочевидными.

Палкой о двух концах оказалась горбачевская «гласность». По задумке она позволяла восстановить обратную связь между властью и «землей», получать сведения о положении дел в обществе в обход низовой бюрократии. В таком смысле задумка Генерального секретаря была вполне здравой: коррупция и очковитирательство уже достигли впечатляющих масштабов, и в Кремле зачастую довольно смутно представляли себе, что происходит в дальних углах необъятного советского государства. Однако Горбачев встретил сопротивление со стороны самой номенклатуры, которая совершенно не испытывала желания попасть под чей бы то ни было жесткий контроль. К тому же политикой гласности начали пользоваться самым неожиданным образом.

Несмотря на объединяющее начало советской идеологии, республики Союза были в первую очередь национальными. Национальные проблемы в рамках СССР никуда не делись, хотя их долгое время удавалось более или менее успешно загонять вглубь, а наиболее яркие национальные кадры привлекать к общему советскому проекту. Однако локальные националистические движения во многих регионах возникли еще до появления самого Советского Союза. Так, несмотря на близость русского и украинского народов – близость, зачастую достигающую до степени смешения, когда без графы «национальность» в паспорте одних от других было нереально отличить, – даже в таких условиях украинские националистические организации появлялись и активно действовали уже во времена поздней Российской империи. В рамках Советского Союза, разумеется, подобные организации (в том числе русские) находились в глубоком подполье. С введением политики гласности национальные движения на периферии получили второе дыхание. И здесь проявился неожиданный эффект от поддержки государством национальных культурных и просветительских институтов: академий наук, местных союзов писателей и т. д. Как оказалось, национальные деятели науки и искусства часто сохраняют лояльность своим национальным автономиям – и только им. Очень ярким примером тут может служить Зелимхан Яндарбиев. Будущий идеолог республики Ичкерия был членом Союза писателей и состоял в КПСС. Подобных историй по всему СССР было множество: получив образование и возможность строить карьеру в Советском Союзе, национальные кадры вовсе не преисполнялись любви к красному знамени. Новые условия, сложившиеся в стране, предоставили подпольным кружкам и интеллигентам-националистам грандиозный простор для агитации и пропаганды.

Почему она имела успех? С одной стороны, Советский Союз объективно переживал огромные трудности. Падение уровня жизни, вечный дефицит – все это не способствовало сплочению рядов. Кроме того, Советский Союз был государством крайне патерналистским, а информация, поступающая к гражданам через каналы официальных СМИ, строго дозировалась. Это помогало поддерживать стабильность, но самостоятельное критическое мышление у огромного числа советских граждан было фактически уничтожено. Наконец, к 80-м годам советская идеология была окончательно дискредитирована, а идейных коммунистов осталось мало даже в рядах самой компартии. Сочетание всех этих факторов привело к тому, что людей могла массово увлечь любая (или почти любая) идеология. Демагоги национального толка явились на подготовленную почву. Зачастую им было нечего предложить соотечественникам, кроме самой топорной шовинистической пропаганды и воспитания комплекса обиженного. Однако они имели хотя бы такую программу. Советские же чиновники могли разве что провозглашать лозунги, в которые не верили сами. «У противника есть “Аллах акбар”. У нас нет ничего», – замечал позднее офицер таджикских вооруженных сил. Бросается в глаза, что во время крушения Советского Союза многомиллионная армия Советской армии, МВД и КГБ смогла выставить в его защиту лишь мизерное число людей, готовых рискнуть за красное знамя головой. Самостоятельно на защиту советского государства встали отряды милиции в Вильнюсе и Риге. Распуск Советского Союза не признало Приднестровье. Два года спустя несколько тысяч человек левых убеждений вышло защищать Белый дом в Москве – и это на 150-мил-

лионную страну! Сложно лучше проиллюстрировать возникший идеологический вакуум – и причину, по которой националисты пользовались огромным успехом на периферии СССР.

Введение многопартийности стало еще одним шагом к крушению Советского Союза. Опять-таки, архитекторы перестройки создали инструмент, который потом был использован против них самих. Смысл реформы состоял в том, чтобы ослабить власть закостеневшей номенклатуры КПСС. В действительности благонамеренные реформаторы открыли путь всевозможным радикальным националистическим организациям вроде всяческих «Народных фронтов», которые стремительно победили на законных выборах в большинстве республик.

При этом союзное руководство в конце 80-х годов обнаружило совершенно неожиданного соперника – команду президента РСФСР. Борис Ельцин путем интриг и популизма несколько лет шел к вершинам власти в России. Однако он не мог чувствовать себя полновластным хозяином в стране, пока над ним оставались общесоюзные органы власти. Поэтому Ельцин становился естественным союзником республиканских сепаратистов. В 1991 году он выражал горячую поддержку манифестантам в республиках Балтии, позднее – спокойно распустил Советский Союз, не позволив ему сохраниться ни в каком виде, и таким образом оставил Горбачева королем без королевства.

Наконец, под многие республики заранее были подложены мины. Советские лидеры не могли, конечно, планировать будущее с расчетом на распад страны. Государство делилось на республики не только по этническому принципу, учитывались и административные соображения, кроме того, свои коррективы вносила борьба за власть между группировками внутри самого СССР. К тому же в Союзе имела место миграция народов, часто происходящая не по их воле. Люди регулярно оказывались вдали от земли своих предков, причем не в одиночку, а вместе с сотнями тысяч соплеменников. Из-за внутренних перемещений населения и просто в силу сложившихся жизненных обстоятельств провести четкие границы по этническому признаку оказывалось невозможно. Поэтому деление Советского Союза по административным границам республик было самым простым решением, но вовсе не самым справедливым. Русские по всей периферии СССР, армяне ставшего независимым Азербайджана, абхазы, осетины, внезапно оказавшиеся жителями новых государств, далеко не всегда с покорностью относились к этим новостям политики и географии. Агонизирующее советское государство было не в состоянии разрешить конфликты, раскручивающиеся с огромной скоростью один за другим. А это означало, что кровопролитие неизбежно.

Для понимания происходивших на руинах СССР событий следует сказать несколько слов о состоянии Вооруженных сил Советского Союза конца 80-х. Советская армия не избежала общего кризиса. Будучи частью общества, она оказалась перед лицом все тех же вызовов, включая вакуум идеологии. Однако это была исключительно многочисленная вооруженная сила. Перед распадом СССР его войска насчитывали более пяти миллионов человек. Мало того. До роспуска Советского Союза в качестве основного сценария военного конфликта рассматривалась Третья мировая война против блока НАТО, поэтому такая армада должна была в первую очередь обеспечить мобилизацию. Это обстоятельство предопределило многие сильные черты советских вооруженных сил, игравших огромную роль в войнах на руинах СССР – даже после ликвидации самой Советской армии.

Но лишь часть советских войск относилась к силам постоянной готовности. Из состава Вооруженных сил только около четверти дивизий были укомплектованы людьми хотя бы на 70 %. Все остальные предполагалось развернуть до полной численности перед войной или уже во время нее – за счет людей, призванных по мобилизации. За значком «дивизия» на карте могла скрываться всего пара тысяч человек. Чаще всего соединение было укомплектовано людьми на 10–30 %. Однако Советская армия имела достаточно вооружения и боевой тех-

ники для того, чтобы оснастить сотни дивизий. Кадрированные¹ части обладали громадными запасами стрелкового оружия, техники и боеприпасов. На складах бережно хранилось даже вооружение времен Великой Отечественной войны. Уже в 2010-х годах во время конфликта на Донбассе ополченцы массово использовали противотанковые ружья 40-х годов производства. Сама Украина, почти не производя вооружение, годами оставалась одним из ведущих его экспортеров за счет советских запасов. Ну а в начале 90-х годов Советский Союз был просто переполнен вооружением, которое крайне скверно охранялось и которое, бывало, распродалось коррумпированными офицерами. Именно советские запасы стали основным источником оружия и техники для всех воюющих сторон во время локальных конфликтов. Пожалуй, только сторонники Верховного совета в Москве в 1993 году и ингушское ополчение во время конфликта в Пригородном районе Северной Осетии в 1992 году по тем или иным причинам не сумели вооружиться до зубов за счет арсеналов распавшейся армии. Широкую известность получил разгром арсеналов дудаевскими отрядами в Чечне, но в реальности это было не самое впечатляющее изъятие оружия и боевой техники: в Карабахе в то же самое время армяне и азербайджанцы использовали настоящие механизированные волны из танков и другой тяжелой техники. Характерно, правда, что чем сложнее в использовании были боевые единицы, тем реже они шли в ход: авиация, например, использовалась очень ограниченно.

Обратной стороной циклопических размеров советских Вооруженных сил стала их слабая выучка. Практика привлечения солдат к хозяйственным работам возникла не в современной России, она уходит корнями еще во времена СССР. В боевых действиях в Афганистане участвовала лишь небольшая часть Советской армии, основная же масса советских военнослужащих – это солдаты и офицеры долгого мирного периода. Кроме того, отслужив срочную службу, даже получивший боевой опыт солдат уходил в запас вместе со всеми приобретенными навыками (если он их, конечно, приобретал). На практике это привело к тому, что реальная выучка бойцов в конфликтах 90-х годов оказывалась слабой, и даже профессиональный уровень, казалось бы, заслуженных офицеров мог оказаться удручающим.

Как бы то ни было, вторая половина 80-х годов прошла под знаком грандиозных перемен и потрясений.

---

¹ Кадрированные части – недоукомплектованные.

Приквел к войнам 90-х. События в Прибалтике

Первые сполохи начинающейся грозы относятся уже ко второй половине 80-х годов. Так или иначе, национальные движения на советской периферии неизбежно ставили советскую администрацию перед новым вызовом. Однако реформаторские усилия Горбачева привели к тому, что националисты начали массово выходить из подполья почти одновременно по всему государству. В 1985–1988 годах возникло множество националистических кружков и движений на всем пространстве от Средней Азии до Прибалтики. Один-два подобных кризиса Советский Союз еще мог пережить, но в конце 80-х от новых движений рябило в глазах. Чаще всего их идеологической основой становились приверженность демократии (по крайней мере, на уровне риторики) и местный национализм (почти всегда – в весьма жесткой форме). В течение всего нескольких лет столкновения на национальной почве происходят в Казахстане, Якутии, на Кавказе. Начался парад суверенитетов: национальные автономии массово старались повысить свой статус в рамках СССР или просто отделиться от Советского Союза. Первыми из союзных республик, покинувших состав Союза, так опрометчиво названного нерушимым, стали Литва и Латвия.

Как и почти повсеместно, в Литве в конце 80-х годов появились и начали быстро набирать силу движения, основанные на идеях либерализации политической жизни и местного национализма. Наиболее мощным и многочисленным из подобных организаций стал «Саюдис» (лит. «Движение»). Он появился в 1988 году в качестве «Литовского движения за перестройку», и основали его – опять-таки полностью в русле остального Советского Союза – представители местной интеллигенции, главным образом гуманитарной. Движение зародилось на базе литовской Академии наук. «Саюдис» первоначально провозглашал вполне мирную программу, выступал за демократизацию республики, защиту окружающей среды и тому подобные общепользные начинания. Однако программа реформаторов становилась чем дальше, тем более радикальной. Уже с 1989 года речь шла о независимости республики.

По словам участников движения, первое время активисты испытывали страх перед спецслужбами. Однако все опасения были напрасны: местная коммунистическая элита неявно симпатизировала «Саюдису», и хотя внутри движения работало множество сексотов, власти смотрели на деятельность группы сквозь пальцы.

Национал-популистские движения в любом случае выглядели выигрышно на фоне полностью утративших инициативу и не способных говорить с людьми на их языке функционеров старого режима. Подобные движения в конце 80-х и начале 90-х были попросту обречены на популярность, даже самые карнавальные из них вроде ЛДПР. Тем более могли рассчитывать на успех движения, готовые действительно бороться за власть и вести республику к будущему, каким бы оно ни было. Литва, разумеется, не стала исключением. В начале 1990 года прошли выборы в Верховный Совет Литвы, на которых представители «Саюдиса» получили большинство. И уже 11 марта 1990 года Верховный Совет нового образца принял декларацию о восстановлении независимости республики. Нужно отдать должное энергии новых лидеров республики: новое правительство во главе с Казимирой Прунскене (одна из основательниц движения «Саюдис», как это часто бывало – из академических кругов) быстро приступило к формированию собственных государственных и даже силовых структур параллельно советским. 25 апреля был создан Департамент охраны края – военизированная структура, подчиняющаяся литовскому правительству. При этом КГБ, МВД и подразделения Советской армии никуда не девались, но не предпринимали никаких мер. Альгирдас Бразаускас, первый секретарь ЦК Компартии Литвы, идеи литовской сецессии поддерживал. Словом, у Советского Союза просто не осталось в Литве опоры: идеи независимости поддерживали все активные деятели местной политики, включая Коммунистическую партию. Съезд народных депутатов

СССР вяло протестовал, но дальше деклараций дело первое время не шло. В течение 1990 года центральное правительство решилось на довольно своеобразные меры: попыталось устроить Литве экономическую блокаду. Прекратились поставки сырья на местные предприятия, что быстро вызвало падение уровня жизни. 8 января начался митинг перед зданием Верховного Совета Литвы. Манифестанты требовали отставки литовского правительства и отмены решения о повышении цен. Прунскене ушла в отставку.

Горбачев искренне пытался не доводить дело до греха и найти некий взаимоприемлемый компромисс. Однако он разрывался между радикалами, требовавшими полного и немедленного отделения Литвы, и сторонниками жесткой линии в Москве, советовавшими применить силу. Без особого энтузиазма генсек заявил, что *«если возникнет серьезная угроза, определенные шаги станут необходимыми»*.² Вскоре, когда стало ясно, что «серьезная угроза» уже реализовалась, «определенные шаги» были сделаны. С осени 1990 года военные и КГБ готовились действовать.

10 января 1991 года Горбачев передал парламенту Литвы требование восстановить действие советской конституции в Литве. На следующий день в Вильнюс вошли армейские части.

Действия Советской армии навевали ощущение дежавю. Как и в 1968 году в Чехословакии, армейские подразделения заняли ключевые точки в городе, включая Дом печати, командование Департамента охраны, узел связи. Однако в ночь на 13 января произошло нечто непредвиденное.

Для захвата центров телекоммуникаций решили использовать отряд группы «Альфа», элитного контртеррористического подразделения. Всего в Вильнюс отправились 67 офицеров. Перед выходом альфовцам велели не использовать стрелковое оружие. Вообще в целом операцию планировали провести без крови, при помощи холостых выстрелов и светошумовых гранат для психологического давления.

Проблема состояла только в том, что вокруг зданий находилось по 5–6 тысяч сторонников «Саюдиса», и они вовсе не были настроены дружелюбно. Армейского и милицейского вооружения у них было относительно мало, зато имелись «коктейли Молотова», камни, заточки и прочее импровизированное оружие.

Комитет по телевидению и радиовещанию альфовцы совместно с частями ВДВ и местного ОМОНа захватили быстро и без эксцессов. Милиционеров разоружили, через толпу альфовцы пробились. Однако уже внутри здания лейтенант Виктор Шатских пожаловался на боль в спине. Как выяснилось, он получил смертельное ранение автоматной пулей. Кто стрелял, так и осталось неизвестным. Альфовцы заняли телецентр, парализовали его работу и вскоре передали здание десантникам.

Другая группа спецназовцев захватывала телебашню и радиостанцию. То же самое: сопротивляющаяся толпа, «коктейли Молотова», камни. Тем не менее объекты были захвачены и взяты под охрану.

Однако без массового кровопролития не обошлось. Если спецподразделения действовали аккуратно, щадя людей, то армейцы и ОМОН выполняли задачи более жестко, а возле здания МВД начался настоящий бой, было много убитых и раненых. К тому же бронетехника носилась в темноте по городу, забитому манифестантами. На незнакомых улицах перенервничавшие и не всегда квалифицированные водители не смогли избежать наездов. Кроме того, сами протестующие активно вели огонь из имевшегося у них оружия, и при стрельбе в толпе пули сторонников независимости, вероятнее всего, убили не только лейтенанта «Альфы».

В общей сложности за ночь погибли 14 манифестантов, около 600 человек получили ранения и травмы.

---

² Белая книга. – М.: АСТ, 2007. С. 196–197.

С военной точки зрения силовики добились выполнения всех целей, поставленных центром. Однако политические последствия событий в Вильнюсе сделали эту победу пирровой. Ситуацию особенно усугубила беспомощная ложь Горбачева на следующий день после кровопролития: генсек якобы спал и не знал, что происходит в Литве.

Власти тут же подверглись обструкции, причем осудить действия силовиков поспешили даже Верховные Советы союзных республик, включая РСФСР. В результате войска из Вильнюса были выведены, а Литва стала фактически независимой. Она открыла список республик, вышедших из состава СССР.

События в Прибалтике использовал в своих интересах Борис Ельцин. Для него происходящее стало частью общей интриги против Горбачева как президента СССР. Уже 13 января он приехал в Таллин и там сделал с главами прибалтийских республик совместное заявление о взаимной поддержке и признании суверенитетов.

Однако события в Вильнюсе оказались лишь разминкой перед столкновениями в соседней республике – Латвии.

Здесь в качестве локомотива перемен выступило движение «Народный фронт». Опять-таки, это движение изначально занималось историческими, культурными и экологическими вопросами. Как и в случае с «Саюдисом», НФ Латвии включал в себя не только либералов, но и реформатское крыло компартии. Однако от борьбы за окружающую среду латышские активисты быстро перешли к политическим требованиям. События развивались по схожему с литовским сценарию. В 1990 году «Народный фронт» получил большинство в местном Верховном Совете, и 3 мая последовало принятие декларации независимости.

Когда шла стрельба в Вильнюсе, в Риге строили баррикады. Однако атаки со стороны войск Союза не последовало. Горбачев был слишком деморализован неожиданно жесткой и массовой реакцией, которую вызвала операция в Вильнюсе. Но произошло то, чего никто не мог ожидать, – верность гибнущему Советскому Союзу продемонстрировали силовики на месте. В январе 1991 года баррикады начал атаковать рижский ОМОН – по собственной инициативе.

Отряды милиции особого назначения появились в СССР поздно: приказ об их создании датируется 3 октября 1989 года. Идея сформировать подразделения для охраны общественного порядка в нестабильные 80-е была безусловно здравой, и можно только сетовать, что зачастую на предотвращение погромов и пресечение массовых беспорядков бросали никак не подготовленные к этому армейские части. В Риге отряд сформировали в рамках общей программы. Поначалу рижское подразделение оставалось вне политики, однако вскоре омовцам пришлось включиться в охватившую СССР смуту.

На фоне повсеместных беспорядков бойцы ОМОНа получили армейское оружие и бронетранспортеры. К январю 1991 года Рижский ОМОН представлял собой боеспособный и очень лояльный советской власти отряд.

Один из офицеров отряда, Александр Кузьмин, без обиняков заявлял:

«Чтобы навести порядок и установить советскую власть в Риге, достаточно нашего отряда. Мы готовы выполнить любой приказ президента СССР. Надеемся, что он скоро будет. Разгоним существующую власть, возьмем под охрану стратегические объекты и устроим суд над националистами».³

После того как в Риге начали сооружаться баррикады, а из Москвы никаких приказов не последовало, ОМОН перешел от слов к делу. 15 января омовцы начали разоружать лояльную националистам милицию. Оружейную комнату милицмейской школы вскрыли ломом, самих курсантов нейтрализовали гранатами со слезоточивым газом.

---

³ Русанов С. Рижский ОМОН. История предательства// <https://www.politforums.net/historypages/1392392377.html>

Фактически омоновцы вышли из подчинения центральной власти. Отставной генерал МВД с тревогой отмечал: *«Такое формирование, как ОМОН, опасно при любом правительстве. Пришлых командиров, назначаемых из Москвы, омоновцы не признают. Авторитетом пользуется Млынник, не отличающийся сдержанностью... Их анархизм опасен... Не думаю, что они выполняют чьи-то конкретные указания, но не исключая, что им могут подбрасывать информацию, провоцирующую ребят на те или иные действия»*.⁴

20 января омоновцы захватывают МВД Латвии. Два милиционера убиты на месте, случайно застрелены еще двое гражданских.

Вооруженное противостояние Рижского ОМОНа и силовых структур Латвии могло продолжаться и дальше и иметь непредсказуемые последствия, однако в это время в Москве начала разворачиваться грандиозная драма, изменившая ход истории России и оказавшая влияние на весь мир.

---

⁴ Там же.

Глава 1

Не взрыв, но всхлип. Путч 1991 года и его последствия

К лету 1991 года на периферии бывшего СССР активно разворачивались конфликты. Лилась кровь на Кавказе, в Средней Азии, в Молдавии. Большинство республик фактически вышло из-под контроля. Проводимые реформы явно заходили в тупик. Государство стремительно деградировало, казна опустела. Потребительские товары и даже продукты питания начали резко дорожать. Дефицит принял тотальный масштаб. Советский Союз продал большую часть собственного золотого запаса. Еще до официального признания краха государства производство основных видов товаров начало сокращаться пугающими темпами. Уже никого не требовалось убеждать в том, что страна находится в тяжелейшем положении. Однако пути выхода из кризиса различным группам советского истеблишмента виделись по-разному.

На СССР воздействовало сразу множество негативных факторов – от возможного экономического краха до образующегося на глазах у всех идеологического вакуума. Однако наибольшую разрушительную силу нес в себе всплеск националистических настроений в стране, который угрожал полным уничтожением государства и его распадом на отдельные части.

Вспомним, что в 1990 году Горбачев выступил с инициативой подписания национальными республиками нового Союзного договора, который предусматривал сохранение СССР на началах равноправия республик и в целом превращал Советский Союз в реальную конфедерацию. Проект Горбачева напоминал даже не единую державу, а нечто вроде современного Европейского Союза – когда республики пользуются значительной автономией, но вместе составляют альянс с высокой степенью взаимной интеграции. Договор предполагал наличие общих вооруженных сил, свободу перемещения внутри Союза, единую службу охраны границ, скоординированную внешнюю политику, общие системы связи и т. д.

17 марта 1991 года прошел всесоюзный референдум о воссоздании Союза на новых началах, на котором за сохранение СССР проголосовало большинство граждан в девяти республиках из пятнадцати (исключение составили балтийские республики, Молдавия, Грузия и Армения). В Белоруссии за сохранение СССР проголосовали более 80 % участников референдума, в России и на Украине – более 70 %. Таким образом, широкой поддержкой «парад суверенитетов» пользовался далеко не везде. У Горбачева имелись неплохие шансы реализовать свой план. Ведь с новым Союзным договором согласилась большая часть союзных республик. Тогда еще никто и представить себе не мог, что Советский Союз растворится в небытии, и даже пессимисты полагали, что своим путем пойдет разве что Прибалтика и, быть может, некоторые республики Кавказа.

Однако проекту Горбачева не суждено было воплотиться в жизнь.

Плану обновления СССР резко воспротивилась часть советской элиты, и в первую очередь силовой блок. Анатолий Лукьянов, председатель Верховного Совета СССР последнего созыва, в ярких красках описывал те ключевые моменты, которые не устраивали его в новом Союзном договоре. Прежде всего, дело касалось вопроса о налогах. Вместо прежней схемы, когда налоговые поступления шли в центр и уже оттуда распределялись по республикам, планировалось оставлять собранные средства в каждой республике. В целом же проект Горбачева о «Союзе Советских Суверенных Республик» рассматривался недовольными таким подходом людьми как акт фактического роспуска СССР, что было не столь далеко от истины. Однако следует признать и то, что Горбачев стремился с помощью нового договора оформить уже сложившееся к тому времени положение вещей и сохранить то, что можно было сохранить.

Тем не менее многие тогда считали, что СССР еще возможно восстановить в первоначальном виде. Недовольные действиями Горбачева группировались вокруг Государственного коми-

тета по чрезвычайному положению, ГКЧП. Не следует думать, что это была некая хунта, сама объявившая себя радетелями за народ. ГКЧП создал сам Горбачев в начале 1991 года на случай резкого обострения обстановки и необходимости объявления в стране режима ЧП.⁵ В его состав вошли вице-президент СССР Геннадий Янаев, глава КГБ Владимир Крючков, министр обороны Дмитрий Язов, министр внутренних дел Борис Пуго и другие известные партийные и государственные деятели. Именно эти люди сыграли главную роль в составившемся против Горбачева заговоре.

В попытке госпереворота участвовали как действующие члены ГКЧП, так и некоторые партийные функционеры. В августе 1991 года Горбачев отправился на отдых в Крым. 17 августа члены ГКЧП попытались убедить президента СССР согласиться с их требованиями, но не встретили понимания. После этого дача в Форосе, где находился Горбачев с семьей, была изолирована от внешнего мира силами пограничного полка КГБ, а путчисты приступили к реализации своего плана.

Надо отметить, что на самом деле блокада Михаила Горбачева была достаточно условной. Согласно показаниям целого ряда участников событий, президент СССР сам стремился остаться в стороне от происходящих событий, сняв с себя ответственность за введение чрезвычайного положения в стране, и не пытался противостоять заговору. Путчистами были отключены только каналы связи, идущие непосредственно из кабинета. Судя по всему, мягкий и не слишком решительный президент Советского Союза действительно рассчитывал просто посмотреть, как будут развиваться события, чтобы не быть причастным к возможным осложнениям.

19 августа в Москву по приказу министра обороны СССР Дмитрия Язова вступили части расквартированных неподалеку частей – тульские десантники, Таманская мотострелковая и Кантемировская танковая дивизии. Члены ГКЧП обратились по ТВ и в печати к народу с многословным воззванием:

«Соотечественники!

Граждане Советского Союза!

В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам!

Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства, захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества...

Гордость и честь советского человека должны быть восстановлены в полном объеме.

---

⁵ Анатолий Лукьянов: «Это была отчаянная попытка спасти Союз» // http://www.ng.ru/ng_politics/2010-05-18/9_lukianov.html

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдает себе отчет в глубине поразившего нашу страну кризиса, он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять самые серьезные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса.

Мы обещаем провести широкое всенародное обсуждение проекта нового Союзного договора. Каждый будет иметь право и возможность в спокойной обстановке осмыслить этот важнейший акт и определиться по нему, ибо от того, каким станет Союз, будет зависеть судьба многочисленных народов нашей великой Родины.

Мы намерены незамедлительно восстановить законность и правопорядок, положить конец кровопролитию, объявить беспощадную войну уголовному миру, искоренять позорные явления, дискредитирующие наше общество и унижающие советских граждан.

Мы очистим улицы наших городов от преступных элементов, положим конец произволу расхитителей народного добра.

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины, к ее экономическому и социальному процветанию, которое позволит ей занять достойное место в мировом сообществе наций.

Развитие страны не должно строиться на падении жизненного уровня населения. В здоровом обществе станет нормой постоянное повышение благосостояния всех граждан.

Не ослабляя заботы об укреплении и защите прав личности, мы сосредоточим внимание на защите интересов самых широких слоев населения, тех, по кому больше всего ударили инфляция, дезорганизация производства, коррупция и преступность.

Развивая многоукладный характер народного хозяйства, мы будем поддерживать и частное предпринимательство, предоставляя ему необходимые возможности для развития производства и сферы услуг.

Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа...»⁶

Однако сбои в планах путчистов начались практически сразу. Одной из ключевых задач мятежников было задержание Бориса Ельцина. Члены ГКЧП обоснованно считали, что президент РСФСР, яркий популист и лидер общественных симпатий в России, может оказаться для них серьезной помехой. Арестовать или, по крайней мере, нейтрализовать Ельцина на его даче в Архангельском было поручено подразделению «Альфа». Но затем произошла некая туманная история. Точно можно сказать, что офицеры спецназа окружили дачу президента России и, безусловно, имели возможность его арестовать. Однако непосредственный приказ об аресте Ельцина то ли так и не был отдан ГКЧП, то ли был проигнорирован группой «Альфа». В любом случае, Ельцин проехал мимо офицеров, прекрасно видевших его и знавших, где он находится. Путь президента РСФСР лежал к Белому дому в Москве, где размещался Верховный Совет.

Уже утром возле памятника Юрию Долгорукому начался митинг в поддержку демократии. В 09:40 Ельцин прибыл в Дом Советов и заявил о непризнании ГКЧП. В это время толпы

---

⁶ Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР. Обращение к советскому народу// <http://www.souz.info/library/other/gkchp/gkchpobr.htm>

его сторонников уже приближались к Манежной площади. К Белому дому выходят танки Таманской дивизии и... тут же переходят на сторону Ельцина.

Для первого президента России наступил звездный час. Воззвания зачитываются прямо с танка. Первое, что сделал Ельцин, – это объявил о подчинении ему всех общесоюзных структур, включая, разумеется, силовой блок.

Митинги разрастались как снежный ком. Перед Белым домом собралось до 25 тысяч человек, общее же количество манифестантов, вышедших на улицы за период с 19 по 21 августа, оценивается в грандиозные 400 тысяч человек. Надо отметить, что эти акции были стихийными: первоначально толпами вообще никто не руководил. Вскоре митингующие начали формировать отряды самообороны, благо добровольцев хватало.

ГКЧП слабо представлял себе масштаб перемен, совершившихся в общественном сознании. Администрации же Ельцина понадобится буквально один-два года, чтобы полностью дискредитировать себя в глазах общества. Однако летом 1991 года катастрофические изменения – «шоковая терапия», расстрел парламента танками, война в Чечне, крах экономики и страшная деградация общества – еще только маячили впереди. Актуальной же проблемой тогда являлась группа стариков-силовиков, пытавшаяся в обход закона перехватить власть.

Впрочем, уже 19 августа, когда лидеры путча дали пресс-конференцию, оказалось, что в качестве рвущейся к власти хунты ГКЧП смотрится откровенно бледно. У Янаева во время выступления тряслись руки, а журналисты без малейшего почтения отчитывали путчистов.

На улицах царил эйфория. Люди были искренне уверены, что совершают демократическую революцию.

Позже в интервью изданию *lenta.ru* фотограф Олег Климов вспоминал об атмосфере тех дней:

«Это была эйфория, романтика. Может быть, впервые в истории России победила именно романтика. Это были очень романтические люди. Это была кульминация веры в свободу, когда свободу не понимали, а чувствовали... При этом начиналось все с депрессии. На улицах – на Манежной площади, на Арбате – были депрессивные люди. Им нужно было какое-то пространство с позитивной энергетикой. Это пространство возникло у Белого дома. Там стали собираться эти романтики, которые сказали: “Мы будем защищать, мы будем баррикады строить, мы будем стоять здесь до конца, мы будем отстаивать свое чувство свободы”. Это был эмоциональный порыв... Судьба этих романтиков очень печальна: сейчас многие из них даже не признаются, что они защищали Белый дом, считают это своей ошибкой. Стыдятся этого порыва чувств – защищать эту мифическую свободу... Эта романтика была убита в течение следующих двух лет, до второго путча, до 1993 года. Люди должны верить во что-то – они поверили в свободу, но это чувство свободы обернулось для них личной трагедией, социальной, политической трагедией.

Кроме политических и экономических причин распада Союза, существовали другие – человеческие. Люди, которые вышли защищать свободу, были воспитаны в положительном образе советского человека. Они были чисты в своих побуждениях. Но реальность была несколько иной. Потому что реальное общество, особенно номенклатура... Пришел Ельцин – мужик, который все устроил, которого полюбил народ. Но комсомольцы-то все остались. Эти люди-то – второе, третье, пятое, десятое звено, которое на самом деле определяет все, – остались. Та же Матвиенко когда-то была такой

настоящей комсомолкой, кричала на Сахарова на Съезде народных депутатов. Поэтому это все и было убито. Чувство убито. Вера убита».⁷

Тогда никто, разумеется, не думал о будущем разочаровании. Путчисты обнаружили, что находятся в изоляции. По телевидению показывали выступления вождей ГКЧП и балет «Лебединое озеро», однако в целом захватить контроль над СМИ переворотчикам не удалось. Командующий ВДВ Павел Грачев фактически перешел на сторону Ельцина. Лояльность остальных войск вызвала у путчистов сомнения. «Альфа» отказалась от штурма Белого дома, часть сухопутных сил перешла на сторону манифестантов. Солдаты не очень понимали, что они делают в Москве, и не собирались стрелять в толпу. То же можно сказать и о милиционерах. Настроя на применение силы не было ни у кого.

Но митингующие тоже пока не чувствовала себя уверенно. Слухи о возможном штурме Белого дома ходили постоянно, а в ночь на 21 августа произошла настоящая трагедия.

В темноте боевые машины таманцев выдвинулись к тоннелю под Новым Арбатом. ГКЧП объявил комендантский час, и бронемашин вели обычное патрулирование. Однако демонстрантам было непонятно, куда это во тьме ночной двинулись БМП. Тем более бронегруппа насчитывала сразу восемь боевых машин, и на неподготовленных людей это зрелище, конечно, произвело очень сильное впечатление – настоящая танковая атака. Толпа восприняла происходящее как штурм, и в солдат полетели камни и «коктейли Молотова».

Одна из машин была блокирована импровизированной баррикадой из сдвинутых автобусов. Началась суeta, беспорядок, машины забрасывали бутылками с горючей смесью, и в этом безумии протестующие попытались брезентом закрыть боевым машинам приборы наблюдения.

Произошло то, что в таких условиях не могло не произойти. Манифестанты Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов погибли – двоих задавили потерявшие ориентировку БМП, одного убило рикошетом пули при предупредительном выстреле.

Гибель троих человек была абсолютно случайной. Более того, солдаты, участвовавшие в этом инциденте, в ту же ночь перешли на сторону протестующих, то есть стали, по сути, одновременно «защитниками демократии» и «кровавыми убийцами».

Как бы то ни было, произошедшее неожиданно полностью сломало лидеров ГКЧП, ведь они все же не планировали учинять кровопролитие. Однако теперь все изменилось: у протестного движения появились свои мученики, жертвы, и лидерам незадачливой «хунты» оставалось выбрать – идти на обострение обстановки или сдаваться. Они выбрали капитуляцию. 21 августа министр обороны Дмитрий Язов распоряжается об отводе техники из Москвы. Во второй половине дня Президиум Верховного Совета СССР объявил действия ГКЧП незаконными. К Горбачеву вылетели вице-президент России Александр Руцкой и группа других высших чиновников. Туда же прибыла делегация ГКЧП, но ее Горбачев не принял. Вечером Дмитрий Янаев объявил о роспуске ГКЧП.

Уже 22 августа в Москве был устроен грандиозный митинг по случаю победы. Над Кремлем вместо красного знамени поднялся российский триколор, на Лубянке снесли памятник Дзержинскому.

Фактически это означало конец Советского Союза. План Горбачева восстановить СССР провалился. Более того, в действительности всего за несколько дней произошло два переворота. Один – неудачный – пытался устроить ГКЧП. Однако параллельно произошел и другой переворот – успешный. Михаил Горбачев вернулся в Москву формально еще в качестве законного президента СССР, но на месте обнаружил, что уже ничем не может управлять. Ельцин перетянул на свою сторону структуры бывшего Советского Союза, а партия ревнителей СССР

---

⁷ Фотограф Олег Климов рассказывает, как он пережил путч// <http://1991.lenta.ru/1991/08/18/>

приняла участие в путче и теперь была фактически разгромлена. Противостоять разделу державы ее президент больше не мог.

В соревновании между проектами единого Советского Союза и сторонниками его разделения последние одержали полную победу. В декабре 1991 года в Беловежской Пуше соглашения между президентами России, Украины и Белоруссии окончательно закрепили раздел Советского Союза по прежним республиканским границам. Сверхдержава прекратила свое существование – теперь уже официально.

Тогда казалось, что роспуск Советского Союза был проведен довольно цивилизованно. СССР не пытался вооруженной рукой удержать при себе ни одну из республик – если не считать вялых акций в Вильнюсе. Человеческие жертвы – даже очень немногочисленные – во всех случаях оказывались крайне веским доводом, чтобы советские силовики прекращали какую бы то ни было вооруженную активность. Вскоре удалось снять еще одну серьезную проблему – ядерное оружие с территории бывших советских республик либо утилизировалось, либо вывозилось в Россию. Однако в действительности история насилия на постсоветском пространстве только начиналась.

Сквозные персонажи. Рижский ОМОН

В 1988 году в Риге был сформирован местный отряд милиции особого назначения. Тогда он насчитывал 120 бойцов, и его силы никогда не превышали полутора сотен штыков. В 1990 году ОМОН возглавил Чеслав Млынник (этнический поляк, родившийся в белорусском Гродно, отсюда необычные имя и фамилия), и именно под его началом это формирование приобрело широкую известность. В отряде служили главным образом славяне. Одной из первых операций ОМОНа стало участие в карабахских событиях (тогда рижане действовали в рамках плана «Кольцо» – попытки разоружить армянское ополчение). Омоновец рассказывал:

«Нашей задачей было разоружение всех, у кого оказалось на руках оружие. Если разведка выясняла, что в таком-то селении есть вооруженные люди, нас отправляли туда. Мы подъезжали к селению, ночью врывались в дома и проводили там обыски. Все это делалось довольно жестко – укладывали всех на пол, если кто-то дергался, то его очень жестко успокаивали. Если находили оружие, то задерживали и передавали следователям. Если селение было большое, то действовали совместно с внутренними войсками, иногда нам придавалась бронетехника... Обычно нам сопротивления не оказывали, и все обходилось без пролития крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.